

—

XVIII.

Под давлением наступающих войск.

Армия семьи У, всегда славившаяся своими стремительными и яростными атаками, внезапно превратилась в «черепашу», намертво закрепившись в городе Эчжоу и не решаясь выйти.

Эчжоу был местом, которое в центральном регионе считалось наиболее сложным для взятия и легким для обороны. Окруженный со всех сторон естественной преградой в виде реки Янцзы, он оставался недосягаемым для императорских войск и подкреплений нескольких великих кланов.

Им не оставалось ничего другого, кроме как взять Эчжоу в плотное кольцо осады, перекрыть пути подвоза провианта и попытаться изморить мятежников голодом прямо в городе.

Хотя это требовало времени, как говорится, старые методы — самые надежные. И действительно, месяц спустя запасы зерна в Эчжоу подошли к концу.

В начале третьего месяца Гу Сьюань и три великих клана получили известие: в городе Юэчжоу, где находилась главная база семьи У, в последнее время идет активный набор рекрутов. Одновременно с этим было собрано огромное количество провианта и военного снаряжения, которое вскоре отправится на подмогу Эчжоу.

Это был ниспосланный небом шанс.

После обсуждения Гу Сьюань и остальные единогласно решили устроить засаду в Каменном ущелье за пределами Эчжоу, чтобы разбить подкрепление, захватить обоз и окончательно лишить мятежников в осажденном городе всякой надежды.

После нескольких раундов переговоров три великих клана — Чжао, Шэнь и Цянь — вызвались добровольцами, желая выступить в роли авангарда в этой засаде. После инцидента на горе Сюаньцин их ненависть к армии У была безграничной.

Гу Сьюань широким жестом дал свое согласие.

Однако человек предполагает, а Небо располагает.

Вести о провианте оказались правдой, но ловушка тоже была настоящей.

Едва союзная армия трех кланов вошла в Каменное ущелье, как тут же была окружена со всех четырех сторон: подкреплением из Юэчжоу и основными силами армии У, вышедшими из Эчжоу. Это ущелье мгновенно превратилось в кровавую мясорубку.

Союзное войско трех великих семей, насчитывавшее почти тридцать тысяч человек, в итоге было разбито так, что осталось лишь чуть более семи тысяч — все они попали в плен и сдались. И лишь один отряд из двух сотен человек, рассеявшись, сумел чудом прорваться назад в Хуанчжоу, чтобы доложить Гу Сьюаню и остальным об этом крайне сокрушительном поражении.

Ранее, во время инцидента на горе Сюаньцин, великие кланы уже потеряли половину своих

основных сил. В этот раз они прибыли в Хуанчжоу, надеясь отомстить за позор и восстановить доброе имя своих семей.

Кто же мог знать, что в битве при Каменном ущелье они не только не отомстят, но и окончательно похоронят свои армии вместе с оставшейся половиной мощи своих родов.

Когда весть разлетелась, вся Поднебесная содрогнулась.

А в поместьях трех великих кланов «дерево рухнуло, и обезьяны разбежались» — внутри начался хаос, каждый хватал фамильные ценности и бежал прочь. Все знали, что великие кланы — это жирные овцы, а теперь, когда овца сдохла и головы у нее нет, если не урвать кусок сейчас, то позже другие просто расчленият труп, и не останется ничего.

Так, в одночасье, рухнули три великих рода, чья история тянулась сотни лет, со времен прошлых династий через все смуты Юга и Севера.

На самой вершине Каменного ущелья росло старое персиковое дерево, которое в это весеннее время всю демонстрировало свое очарование, будучи неописуемо нежным и прекрасным. Оно словно не замечало, что внизу текут реки крови, а земля устлана телами.

Се Чэньюнь взмахнул ладонью, мгновенно испепелив несколько назойливых мух, жужжавших вокруг. Он повернулся и посмотрел на человека, который уже долгое время хранил молчание:

— Ваше Величество...

Гу Сыюань стоял у самого края обрыва, его широкие черные одежды с золотым шитьем яростно развевались на ветру. Глядя на сцену внизу, он сохранял полное спокойствие, и лицо его было подобно глади застывшей воды.

Спустя долгое время он негромко произнес:

— Надеюсь, в следующий раз погибнет меньше людей.

Сказав это, он без тени сожаления развернулся и начал спускаться с горы.

— ...

Се Чэньюнь посмотрел в спину высокого мужчины, слегка приподняв красивую бровь.

«Меньше людей»? В прошлый раз на горе Сюаньцин погибло две-три тысячи, и он сказал то же самое. Сейчас в Каменном ущелье полегло двадцать-тридцать тысяч, и он снова говорит так. А что будет в следующий раз...

Се Чэньюнь догнал его и крепко взял Гу Сыюаня за руку:

— Ваше Величество воистину мудр до крайности. Вам всегда удастся достичь величайших результатов ценой минимальных жертв.

Гу Сыюань скосил на него глаза:

— Чэньюнь, ты сейчас утешаешь Меня?

Се Чэньюнь моргнул:

— Ваше Величество это заметил?

Гу Сыюань слегка сжал его мягкие белые пальцы и бесстрастно ответил:

— Мне не грустно.

Се Чэньюнь: «...»

Значит, ты только что просто пугал людей?

Закончив играть с его пальцами, Гу Сыюань ущипнул его за мягкую щеку и, только после этого потянув за собой, пошел дальше:

— Если бы Я не поступил так, то горы трупов и моря крови легли бы за Моей спиной. На их месте оказались бы те солдаты, которых Я инспектировал всего несколько дней назад... Раз уж кому-то суждено умереть, пусть это будут враги.

Се Чэньюнь на мгновение задумался и кивнул:

— Ваше Величество прав.

Этот человек мог впасть в ярость из-за смерти презренного раба, но при этом оставаться совершенно безучастным к гибели десятков тысяч людей.

В чем его милосердие? В чем его жестокость?

Однако это уже был наилучший исход. Если бы эти три великих клана разрослись и подняли мятеж, погрузив всю Поднебесную в хаос, то в настоящем столкновении двух армий погибло бы не две и не тридцать тысяч человек, и большинство из них, вероятно, были бы своими.

В марте того же года, во время весеннего расцвета, армия У одержала великую победу над союзными войсками в Каменном ущелье, и дух ее был на небывалом подъеме. Молодой император династии Чжоу, впервые лично возглавивший поход, был вне себя от ярости, рассылая указ за указом. Гарнизоны со всей страны стягивались к Хуанчжоу, полные решимости отомстить за павшие души и заставить армию У заплатить по счетам кровью.

Однако в конце марта в районах Цзяннани и провинции Цзин начался сезон дождей, затянувшийся почти на месяц. Уровень воды в верховьях реки у Эчжоу резко поднялся, а урожай зерна в городе погиб полностью.

Внутри мятежной армии У, и без того страдавшей от нехватки провианта, начались небольшие бунты. В этот момент правительственные войска подошли к стенам и выдвинули жестокий ультиматум: если армия У не сдаст город, они взорвут плотину выше по течению и затопят Эчжоу.

Едва эта весть разнеслась, как, несмотря на проклятия в адрес «тирана и деспота» на троне, каждого в городе охватил ужас. Множество простых людей пытались бежать, а восстания солдат вспыхивали одно за другим.

Спустя десять с лишним дней армия У, которая только что одержала блестящую победу и была полна отваги, превратилась в разрозненную кучу песка из-за внутренних междоусобиц.

В конце апреля ворота Эчжоу распахнулись. Ян Тай, один из «Двух Драконов Цзянчжоу», вышел на колени, чтобы вместо своего приемного отца, главнокомандующего армии У,

принять условия капитуляции.

Всё это казалось какой-то невероятной сказкой. Правительство хоть и потеряло союзное войско трех великих кланов, но в конечном итоге, просто выждав время, без единого выстрела и без единой потери захватило Эчжоу.

После этого правительственные войска стремительным маршем двинулись на юг, вернув под контроль императорского двора города Юэчжоу, Чунян, Сяньнин и Силин, ранее захваченные семьей У.

Однако это был еще далеко не конец.

По приказу молодого императора династии Чжоу герцог Сун и другие военачальники, воодушевленные великой победой, разделили силы на несколько колонн и одновременно ударили по Цзянхуаю, Шаньдуну, Тайюаню и другим регионам, где еще теплились очаги мятежа.

В одночасье по всей стране людей охватила тревога.

Сам же Гу Сюань в это время находился в Хуанчжоу, готовясь к возвращению императорского кортежа в столицу. На этот раз он собирался не в загородный дворец Цзиньлин в Наньчжили, а планировал вместе с верными чиновниками отправиться напрямик в северную столицу.

Весна сияла во всей красе, сад временной резиденции пестрел пышной зеленью и цветами — истинный пейзаж эпохи процветания. Гу Сюань и Се Чэньюнь сидели друг напротив друга в центральном дворе, развлекаясь приготовлением чая и воскурением благовоний.

Се Чэньюнь слегка применил внутреннюю силу, и секретное послание в его ладони превратилось в пепел. Он повернулся к человеку, безмятежно попивающему чай:

— События становятся всё очевиднее, и люди в Поднебесной — далеко не дураки. Боюсь, постепенно многие начнут догадываться о подоплеке инцидентов на горе Сюаньцин и в Каменном ущелье.

С тех пор как они оказались в этом хаотичном мире высокоуровневых боевых искусств, у Гу Сюаня как у императора было две главные цели. Первая — усмирить мятежников и кланы ради возвращения мирных времен — уже почти достигнута. Вторая цель — обуздать людей Цзянху в их привычке попираť законы силой — была в процессе реализации. За последние месяцы в десятках городов было учреждено Управление Цзинь, которое не только надзидало за миром боевых искусств, но и собирало сведения из всех уголков страны. Ответственным за это был Се Чэньюнь.

Секретное письмо, которое он только что получил, сообщало, что повсюду ползут слухи. Кое-кто втайне шепчется о том, что разум молодого императора династии Чжоу коварен и мрачен, и что он мастерски «убивает чужим мечом». Управление Цзинь как раз пыталось вычислить источник этих сплетен.

— Ну и пусть догадываются. Ныне вся Поднебесная зависит лишь от Моего помысла, — Гу Сюань поставил чашку, говоря об этом как о чем-то само собой разумеющемся. Никто не мог ни отказать ему, ни преградить путь.

— ... — Се Чэньюнь.

Хотя это и была правда, тон императора казался слишком уж самодовольным. Се Чэньюнь протянул руку и слегка ткнул Гу Сыюаня в щеку, серьезно произнеся:

— Ой-ой, какой же наш император молодец!

Гу Сыюань перехватил тонкие белые пальцы, коснувшиеся его лица, запечатлел на них несколько легких поцелуев и спокойно ответил:

— Озорник. Пользуешься тем, что Я тебя балую, Чэньюнь, вот и позволяешь себе такую непочтительность к императору.

Се Чэньюнь не удержался и закатил глаза. «Ты — человек холодный и безжалостный, один взгляд на которого заставляет людей дрожать от страха. Когда ты притворяешься великим влюбленным, это выглядит ну очень странно...»

Гу Сыюань притянул юношу в свои объятия, поцеловал его в тонкое веко и бесстрастно заметил:

— Когда Чэньюнь закатывает глаза, он тоже выглядит очаровательно.

— ...

Се Чэньюнь окончательно решил оставить этого типа в покое. Вспомнив о кое-чем другом, он спросил:

— Собирая вещи для переезда в столицу, я узнал, что ты с тех самых пор, как захватил Тан Шэна и Сяо Ханьсинь на горе Сюаньцин, так их и не казнил. Ты лишь лишил их внутренней силы и держишь под стражей. Какую еще коварную интригу ты затеял?

— ... — Гу Сыюань промолчал.

Почему это у его близкого человека сложился о нем такой образ? Разве он не милосердный и мудрый император и, ко всему прочему, просто хороший человек?

Он не выдержал и переспросил:

— Чэньюнь, почему бы тебе не подумать, что Мое сердце просто исполнилось жалости и Я не желаю множить убийства?

Се Чэньюнь холодно усмехнулся:

— Ваше Величество, на дворе белый день, давайте обойдемся без страшных сказок про привидений!

Сарказм в его словах и смехе был более чем ощутим.

Гу Сыюань: «...»

Помолчав мгновение, он неспешно пустился в объяснения:

— В Каменном ущелье погибло столько людей, и кто-то должен принять на себя этот гнев. Но Ян Тай и армия У уже сдались Мне. Я всегда отличался великодушием и снисходительностью к людям, поэтому Мне не пристало обходиться с ними сурово. Значит, понести ответственность придется Тан Шэну, бывшему «молодому господину» и одному из «Драконов Цзяндуна».

— ... — Се Чэньюнь.

«Удали слова о «великодушии и снисходительности», и тогда это будет похоже на правдоподобную причину».

Но, зная привычку этого человека просчитывать три шага вперед на каждый сделанный, Се Чэньюнь всё же уточнил:

— И это всё? Больше ничего...

— Чэньюнь понимает Меня лучше всех, — Гу Сыюань слегка кашлянул и продолжил с невозмутимым видом: — На самом деле есть еще кое-что. Мне просто любопытно: если «Священная обитель» Дворец Тяньвай узнает, что их нынешняя преемница и избранный ими «Правитель от имени Небес» оказались в Моих руках, возникнет ли у них желание прийти ко Мне самим? Мой принцип — искоренять сорняки вместе с корнями. Под Моей властью не место никаким так называемым «Священным обителям».

Се Чэньюнь уставился на него в упор: «...»

Такого глубоко мыслящего и беспощадного человека он не встречал и не слышал о подобных за всю свою жизнь.

Гу Сыюань обнял юношу за тонкую талию и снова нежно ущипнул его за мягкую щеку:

— Чэньюнь, почему ты так на Меня смотришь?

Се Чэньюнь лениво прислонился к нему, чувствуя себя довольно подавленным:

— Если Ваше Величество однажды применит все эти методы и интриги против меня, я определенно не смогу дать сдачи.

Гу Сыюань слегка поднял глаза и усмехнулся:

— В твоих словах сразу две ошибки.

Се Чэньюнь вскинул голову и сердито посмотрел на него:

— В одной фразе — и сразу две ошибки?

— Во-первых, всё это — лишь мысли, пришедшие Мне на ум между делом, их никак нельзя назвать «методами» или «интригами». Во-вторых, это касается не только тебя: если Я действительно захочу с кем-то расправиться, никто в мире не сможет дать сдачи.

Отношение Гу Сыюаня было крайне небрежным, будто он говорил о сущих пустяках.

Се Чэньюнь: «...»

«Как же ты любишь пускать пыль в глаза!»

Уголки губ Гу Сыюаня слегка приподнялись — ему очень нравилось поддразнивать Се Чэньюня. Он продолжил:

— Тебе совершенно не стоит беспокоиться об этом. Мои чувства к тебе искренни, в чем могут свидетельствовать Небо и Земля. С самого начала и до сего дня Я покорял тебя лишь любовью,

никогда не прибегая к уловкам.

— ... — Се Чэньюнь.

Се Чэньюнь был в крайнем замешательстве и недоумении.

— А то, что в последние дни Ваше Величество приказал следить за мной, не позволял мне покидать резиденцию и раз за разом блокировал мои акупунктурные точки и внутреннюю силу — это как называется?

Гу Сыюань невозмутимо ответил:

— Это называется подавлением властью и принуждением силой.

— ...

Се Чэньюнь перевернулся, набросился на него и через одежду с силой впился зубами в его широкое плечо:

— Гр-р-р!

С него хватит, он загрызет этого бесстыжего типа!

Почувствовав тепло на плече, Гу Сыюань не удержался и тихо рассмеялся, отчего его грудная клетка слегка завибрировала. «Маленький львенок такой глупенький и милый...»

Белый голубь, опустившийся на оконную раму, с полным недоумением смотрел своими маленькими глазками-бусинками на этих двух нелепых людей, вцепившихся друг в друга. Неужели люди всегда такие — стоит одному сойти с ума, как второй тут же подхватывает?

Закончив кусаться, Се Чэньюнь поднял голову и встретился взглядом с этим презрительным голубиным взглядом. Его чувства вмиг стали крайне противоречивыми. Однако, заметив на лапке птицы футляр для писем, он тут же протянул руку и схватил белого пухляша.

Это было сообщение из Управления Цзинъю. Он вытянул узкий свиток бумаги, развернул его и странно изменился в лице.

Гу Сыюань вскинул бровь:

— Что случилось?

— Это Дворец Тяньвай, — Се Чэньюнь прищурился. — Источником тех слухов является Дворец Тяньвай. Более того, говорят, что их таинственный настоятель лично спустился с гор и сейчас спешит в Хуанчжоу. Ваше Величество, вы и впрямь обладаете божественной прозорливостью.

В этот момент Гу Сыюань внезапно вскинул брови и, покачав головой, произнес:

— Нет, он не «спешит сюда», он уже здесь.

С этими словами он перевел взгляд прямо за окно. Се Чэньюнь проследил за его взглядом, и его зрачки сузились.

На крыше дома к западу от них неведомо когда возник пожилой даос. Одетый в белоснежные одеяния, он обладал обликом старца с лицом младенца и благообразными чертами. С первого

взгляда от него исходила пугающая мощь, по которой невозможно было определить ни его истинный возраст, ни глубину мастерства.

Однако, стоило ему встретиться с холодным и преисполненным запредельного величия взглядом Гу Сьюаня, как аура даоса дрогнула, а на лице отразилась трудноописуемая смесь чувств. Вот он — человек, который в одночасье уничтожил репутацию и вековые накопления его священной обители Тяньвай!

Впрочем, еще не поздно...

Его тело едва заметно качнулось, и он, преодолев десятки метров, возник перед Гу Сьюанем. Вложив всю внутреннюю силу в удар ладонью, он яростно выкрикнул:

— Тиран, прими свою смерть!

Гу Сьюань еще в тот миг, когда увидел его, был готов к бою. Его взгляд заledenел; не отступая ни на шаг, он встретил атаку встречным ударом ладони, в который вложил всю свою мощь.

Бум... Бум...

В момент столкновения ладоней, подобного столкновению двух горных пиков, в воздухе раздалась серия ужасающих взрывов. Вокруг сражающихся образовалась видимая глазу рябь от ударов ци, которая ледяной волной разошлась во все стороны, грозя разнести это место в щепки. В мгновение ока столы и стулья во дворе превратились в труху, деревья и цветы полегли, а в воздухе закружились пыль и камни.

Се Чэньюнь прищурился, и вокруг него заструилась огненно-красная внутренняя энергия — он уже собирался броситься на помощь. Однако в следующую секунду сквозь вихрь песка и камней назад отлетела фигура и с силой рухнула на землю.

Присмотревшись, он увидел, что кости того человека были сокрушены, он непрерывно харкал кровью, а его седые волосы, рассыпавшиеся по груди, превратились в спутанный ком. Се Чэньюнь облегченно вздохнул и усмехнулся.

В это время Гу Сьюань опустился на землю. Вид у него был невозмутимый, он стоял, заложив руки за спину, словно после неспешной прогулки.

Стоит помнить, что поверженный старик был легендарным мастером номер один в мире боевых искусств. Но сейчас он пал от одного удара, оказавшись на грани смерти. Сердце Се Чэньюня екнуло — в этот миг он был настолько очарован этой мощной и холодной статью Гу Сьюаня, что окончательно потерял голову.

Ван Тань и стражники, услышав шум, ворвались во двор. Увидев представшую картину, они тут же пали на колени, моля о пощаде:

— Рабы заслуживают смерти! Ваши слуги виноваты!

Гу Сьюань взмахнул рукой:

— Этот человек вам не по зубам. Ступайте!

Когда они ушли, Се Чэньюнь в два шага оказался рядом и принялся тщательно осматривать Гу Сьюаня:

— Ваше Величество, вы не ранены?

Гу Сыюань посмотрел на него сверху вниз и спокойно произнес:

— Я обменялся с ним всего одним ударом, а Чэньюнь уже ощупал Меня с ног до головы. Трудно не заподозрить, что у тебя есть какие-то иные потребности.

— Ваше Величество, не нужно возводить напраслину, — Се Чэньюнь склонил голову набок и кончиком алого языка лизнул палец, которым только что касался императора.

— ... — Гу Сыюань.

Какой хитрый маленький львенок.

Он тут же подхватил юношу на руки и размашистым шагом направился в покои. Весна пришла — умеренные физические нагрузки полезны для здоровья. А что до умирающего старика на земле... кого он волнует?

— Донесение! — в этот момент со стороны входа в резиденцию один за другим послышались выкрики гонцов.

— Поздравляю Ваше Величество! Предводитель мятежников в Цзянхуае казнен!

— Поздравляю Ваше Величество! Тайюаньские мятежники разбиты и бежали в Северные пустыни!

— Поздравляю Ваше Величество! Шаньдунская армия повстанцев полностью перешла на нашу сторону!

Услышав эти новости, глава Дворца Тяньвай, в котором еще теплилась жизнь, окончательно впал в беспамятство. Его вековая обитель пришла в полный упадок. «Почему этому тирану так благоволит судьба!»

Когда Гу Сыюань наконец вернулся в столицу, наступил июнь, и в город пришла летняя жара. Императорский кортеж двигался по главной улице, вдоль которой толпились столичные жители. Хотя простой люд мало что понимал в политике, результаты этого похода юного императора были налицо: он не только не разорил народ, но и добился невероятных успехов.

Во-первых, фракция великого злодея Вэй Чжэньпина развеялась как дым.

Во-вторых, многовековые великие кланы были сокрушены и уничтожены.

В-третьих, почти все мятежные армии в Поднебесной были истреблены.

И, конечно же, в-четвертых — они слышали, что этот «взбалмошный» император умудрился сделать женщину своей императрицей и даже распустил ради него весь гарем.

М-да, этот император... Похоже, его мудрость была лишь иллюзией, а безрассудство — истинной сутью.

Народ в большинстве своем не смыслил в государственных делах, зато до сплетен был крайне охоч. Горожане с горящими глазами теснились друг к другу, брызжа слюной:

— Эй, вы видели? В золотой карете и впрямь двое мужчин!

— Действительно мужчина! Мужчина стал императрицей... У императора ведь еще нет сыновей, кому же достанется трон?

— Да не наше это дело. Скажи лучше, когда ветер приподнял занавеску, ты разглядел того мужчину-императрицу? Он правда... ну...

— Ха! Неужто ты видел? И что же ты увидел? — толпа с любопытством придвинулась к говорившему.

— Хе-хе, император и его «супруг» там внутри вовсю предаются любовным утехам. Эта «императрица» и впрямь редкостное искушение, неудивительно, что Его Величество ради него остепенился. Будь я на его месте... я бы тоже...

— О-о-о... В самом деле, настоящий мужчина и должен спать с мужчинами!

Кортеж свернул с главной улицы. В карете раздался звон разбитой посуды и отчетливый, полный гнева мужской голос:

— У жителей твоей столицы что, с головой не всё в порядке?

Гу Сыюань поставил чашку, взял белоснежную ладонь, только что ударившую по столу, и, нежно разминая ее в своих руках, небрежно спросил:

— Отчего же? На Мой взгляд, народ весьма оживлен и искренен в своих чувствах.

— ... — Се Чэньюнь.

Ну да! Мысли, полные непотребства, теперь называются «оживленностью и искренностью»!

Гу Сыюань притворился, что не заметил этой иронии, и с невозмутимым видом отодвинул занавеску, глядя на проплывающие мимо красные стены и серую черепицу. Повернувшись, он сказал:

— Чэньюнь, мы у дворцовых ворот. Я вынесу тебя на руках.

Се Чэньюнь поспешно затряс головой — ему этого совсем не хотелось. Он мужчина в расцвете сил, у него есть ноги, и он может идти сам. Теперь, когда в совете больше некому было противостоять Гу Сыюаню, спектакль с «роковым искушителем» можно было считать законченным.

Однако, прежде чем он успел встать, ладонь Гу Сыюаня внезапно легко коснулась его колена. Се Чэньюнь почувствовал, как по меридианам прошла дрожь, и его ноги мгновенно ослабли. В следующую секунду он уже упал в объятия императора.

Гу Сыюань одарил его улыбкой и с довольным видом подхватил юношу на руки, спрыгнув с золотой колесницы. Главные ворота дворца, ворота Чунтянь, уже были широко распахнуты.

Ворота Чунтянь — это парадный вход, который открывается лишь для великих государственных церемоний или свадеб императорской четы; в обычные дни все пользуются боковыми входами. Ван Тань, стоявший рядом, тут же громогласно объявил:

— Император и императрица возвращаются во дворец!

Вслед за этим, от самых ворот до парадных залов, волной прокатились приветственные

возгласы слуг и стражи:

— Император и императрица возвращаются во дворец!

— Император и императрица возвращаются во дворец!

В этой атмосфере торжества и ликования обида Се Чэньюня окончательно улетучилась. Он обнял своего спутника за шею, принимая вместе с ним пожелания всего народа. Они будут вместе вечно.

—

<http://bllate.org/book/14483/1281672>